

Девять поэм Василия Федорова

1

Есть у Василия Федорова стихотворение «Искусство»:

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
— Я за искусство левое, а ты?
— За левое...
Но не левее сердца.

Прямо в человеческие сердца стучится чистый, живой родник поэзии В. Федорова. Поэт-лирик, он всем своим творчеством утверждает великую правду эпохи и делает это по-своему. Поэзия В. Федорова — поэзия напряженного раздумья над проблемами человеческой красоты и достоинства, над этикой и эстетикой современности — не в абстрактно-философском плане, а в приложении к жизни.

Любовь к Родине, благоговение перед Прекрасным (будь то искусство, красота человеческого духа или природа родных мест), высокое уважение к Женщине — эти мотивы соединяются, переплетаются в творчестве поэта, неизменно сопутствуют один другому.

Лирический герой стихов В. Федорова пришел в мир, чтобы распорядиться им как рачительный хозяин. Из далекой деревни Марьевки, откуда начался путь поэта, видна ему вся советская земля. Но, глядя в дальние просторы, поэт не отрывается от тех родных мест, где прошли его детство и юность. Он настойчиво и любовно подчеркивает свою слитность с природой и людьми деревни Марьевки — края его отцов, черты ко-

торого не стираются в памяти даже многолетней разлукой:

Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
«Откуда он?» И скажут им в ответ:
— Он — марьевский и поступью и
родом.

Звучит в этих строках гордость за свой крепкий род, сыновняя благодарность зеленой кроны к глубоко уходящим в землю корням — истоку ее жизни и силы, потому что «соки от корней идут к отросткам», потому что «на дороге сына до сих пор стоят мосты отцовы». И в этом же тайное, но твердое обещание не изменить, не подвести свой «род суровый» — тружеников, землепроходцев, строителей.

В годы войны Василий Федоров трудился на одном из оборонных заводов Новосибирска. Его жизнь могла бы пойти по совершенно иному пути. Отца он потерял еще в пятилетнем возрасте. Кем в царское время мог бы стать деревенский парнишка-сирота? Но еще за год до его рождения свершилась революция. Тринадцати лет будущий поэт вступил в комсомол, а через год стал комсоргом коммуны «Горняк». Он учился, работал в колхозе, потом на заводе. К тому времени, как в заводской многотиражке появились первые стихи В. Федорова, он был уже мастером цеха.

Вскоре (в 1947 году) в Новосибирске вышла первая небольшая книжка молодого поэта — «Лирическая трилогия», отмеченная уже тогда свойственной Федорову яркой взволнованностью чувств, выразительностью поэтической речи. Но

поэт сознавал, что как бы ни бунтовало молодое вино, нужно время, чтобы, отстоявшись, оно приобрело крепость и прозрачность — свойства истинной зрелости. Долгие годы после первой книги В. Федорова не торопился с опубликованием стихов. В этом, наверное, сказывалось то отношение к работе, которое перешло к нему в наследство от тружеников — дедов и отцов... Впоследствии оно было отлично выражено в стихотворении «Испытание». Здесь говорится об испытании нового трактора, но второй план стихотворения улавливается без труда. Трактору, поставленному на железную плиту и прикрученному к столбу цепями, дают «самый скорый» ход:

Великан железный весь трясется,
Цепь стальная ходу не дает.
Новый трактор рвется, рвется, рвется
И не может вырваться вперед...

Но в ответ на сочувственные возгласы окружающих тракторист, ухмыляясь (уж он-то знает свое дело!), говорит:

— Молодой он, пусть побомнется,
Чтоб потом
Не портил борозды...

Как бы все эти годы ни звало, ни соблазняло Василия Федорова поле поэзии, как бы ни дрожал он от нетерпения вырваться на простор, поэт все же не освобождал себя от стальной цепи сдержанности, чтобы выйти на это поэтическое поле уверенным, что не испортит борозды...

Почти десятилетие отделяет первую книжку В. Федорова от последующих. Эти годы были отмечены значительнейшими событиями в жизни страны, а для самого В. Федорова они стали временем внутреннего обогащения, интенсивного творческого роста. И когда в 1955 году вышли его книжки в Москве и Новосибирске, результаты сказались: сельская тропа, на которой «след детства... заштопан был щетинкою зеленой», вывела поэта на широкую дорогу жизни, новые мысли, чувства, чаяния вошли теперь в его раздвинувшийся мир. [✓]Первоначальная любовь к родным местам выросла в триединую любовь поэта: к великой Родине, к Прекрасному, к Женщине, — любовь, связанную прежде всего с борьбой за Человека, за чистоту и строгость чувства.

[✓] Все глубже уходят теперь корни поэзии В. Федорова в жизнь, потому что «как земля, она не подведет». Но завоевывая все новые творческие высоты, борясь вместе с народом за грядущее, поэт не пытается закрыть глаза на трудности и потери. [✓]И если народ борется за красоту жизни, то, служа тому же, поэт не забывает о том, что «нам трудно дается земли красота».

[✓] Эта тема, тема красоты, достаемой дорогой ценой, красоты в самом широком смысле этого слова, отвоевывает все большее место в творчестве В. Федорова — от первой юношеской горячности в стихах «О ней» до зрелой раздумчивости поэмы «Проданная Венера».

Но и в самой первой поре юношеских волнений, когда поэт мысленно обращался к любимой, беря ее в поводь — «своей поэзии незрячей», он, несмотря на ослепленность юности, уже предвидел будущее прозрение:

Я так хотел тебя увидеть,
Что смог и без тебя прозреть.

Оставшиеся вначале без ответа, повторенные много раз, как заклинание, слова «Мне тебя увидеть надо», обращенные даже не к образу земной женщины, а к мечте, привели поэта через все поиски, обиды, разочарования — основные мотивы поэмы «Далекая» — к высшей, бессмертной красоте советской женщины — к образу Наташи Граевой в поэме «Проданная Венера».

«Но длинен путь...» Как же он длинен и труден!

Девять поэм, как девять вех, отмечают его.

2

Как-то В. Федоров сказал, что «поэзия — это поиск прекрасного». Собеседник не сразу согласился с ним. Произошло это, поясняет поэт, «очевидно, потому, что за моей формулой он усмотрел лишь гимн во славу добра и не услышал проклятий злу».

Когда эту формулу В. Федоров расшифровывает в собственном творчестве, она становится убедительной — совершенно отчетливо звучат в строках его произведений и гимн добру и проклятие злу. Поэма «Далекая» служит тому подтверждением.

Поэт вспоминает свою первую любовь, которую «все девять лет... и бедствуя и маясь, берет в разлуке...» И вот теперь он едет в Ленинград, чтобы разыскать свою возлюбленную. Но как найти ее, «в какой из каменных шкатулок» скрыта эта жемчужина — первая юношеская любовь? На такой вопрос бессильна ответить Горсправка. Но чувство указывает единственно верный адрес. Музыкальная мелодия, как поводырь, ведет к той, с которой эта мелодия связана нелгущей эмоциональной памятью поэта.

Отлично воспроизведены в поэме эти вначале бесплодные поиски любимой, которая «не может не играть». Обостренный ожиданием слух улавливает то одну мелодию, доносящуюся из окон, то другую. Одна — «рыбешкой в чешуе нарядной все хочет вглубь, а глубина выносит легкую обратно», а вот звук иной музыки — «в нем сердце может разорваться от недостатка глубины». Но все это не то единственное, чего ждет влюбленный, «уставший от исканий». «В привычные для слуха шумы вплелась мелодия одна... Она вдруг захватила душу и сердце понесла в руках». Наконец-то! Наконец-то он находит свою любимую!

За каменными львами у подъезда, отгородившись от пришедшего чайным сервизом, его встретила та, которая столько лет казалась прекрасной и которая на просьбу «Сыграй!..» теперь лениво отвечает: «Давно уж не играю!..» Та, которая с этой минуты стала хоть «и рядом, а так далека!..»

Какое крушение надежд! Ведь между ними:

Легло пространство —
Больше, чем
От Ленинграда до Сибири.

И не только потому, что у нее уже есть сын и муж, «семья удачливый добытчик», а потому, что в ее обленевшейся душе перестала звучать та прежняя мелодия, которая столько лет не умирала в сердце поэта. Место ли той музыке в полусонном уюте мещанского быта? Не женщину утратил лирический герой, а прекрасное в ней...

Но первое отчаяние, которое, как ночь, застелило глаза, сменилось жестокой ясностью во внезапно повзрослевшем сердце: любимую украли не только у него — ее украли у самой жизни! Кому она нужна, красивая и бесполезная?..

Но герой поэмы В. Федорова сильнее своего горя. Жизнь продолжается. И ослепленные теперь уже не любовью, а болью глаза увидели, как проходит через мост девушка, похожая «на потерянную мечту». Мечта погибла, а жизнь жива «и любовью той же любима, той же песней увлечена...»

К тому, как нужно беречь любовь и бороться за ее чистоту, строгость, красоту, поэт вернется еще в других поэмах. А этой любви, так жестоко обманувшей его надежды, он выносит безоговорочный приговор...

3

Поэма «Марьевская летопись» — одна из ранних у В. Федорова. Под нею дата — 1946 год. Она вошла еще в сборник «Марьевские звезды» 1955 года. Но когда читаешь ее новый вариант в сборнике поэм В. Федорова 1958 года, видишь, как вырос поэт.

Задуманная как рассказ о возвращении отвоёванного солдата в родное село, поэма и в первоначальной редакции радовала обилием примет времени, раздумьем героя над своей судьбой и судьбой сверстников. Уже тогда ему, прошедшему по дорогам войны и вернувшемуся к оставленной юности, «широкая тропинка та казаться стала узкой-узкой». Он уже успел почувствовать, что сделались и ниже и теснее «настежь открытые двери» родного дома, куда и он вернулся изменившимся. Недаром знакомый ручей так безжалостно поступил с ним, когда он, праздная встречу с детством, прикоснулся к воде губами: «лицо перекосылось грубо и потонуло...» А там, где, казалось, детство «со дна глядело ясными глазами, забытыми давным-давно», лишь «плыл смородиновый лист, кружа... воспоминания».

Возврат к прошлому, в котором оставалась неизменной лишь одна материнская любовь, невозможен. Изменился не только тот, кто возвратился, но и все то, к чему он возвратился: «осокой заросло зеленой» прежде бескрайне синевшее озеро, «состарили дожди и ветры» те сельские места, по которым «всегда вперед уходят, но не всегда идут назад», а тот, кто пришел назад, видит, «как высокою травною пробиралась в рائيий час, на дорогу вышли двое», так похожие на него, прежнего, и его подругу, но уже иные, занявшие их место на меже...

Но все эти видимые доказательства необратимых изменений и в себе самом и в окружающем мире рождают не горечь в душе солдата, а желание творчески вторгнуться в этот мир, украсить его своим трудом, преобразить, улучшить!

Увидев, что на полях работают одни женщины, услышав «тревожный, как набат», звон ботала на шее везущей тяжелой воз коровы, которая, «и запряженная, все пахнет молоком», увидев на лице родного края нанесенные войной неизгладимые морщины, солдат не может сдержать своего нетерпения: «дайте рукою рабочей к миру притронуться мне!» В этом мире столько работы, его так хочется сделать не только по-прежнему, но по-новому счастливым и прекрасным!

Еще не забывший военной терминологии, недавний солдат с головой уходит в земные, мирные дела:

Комбайн, качаясь, описал
Широкий круг. Без возраженья
Нескошенная полоса
Попала в наше окруженье.

«Не в раю» встретился герой и с прежней своей любовью, но «сердца узнали в темноте друг друга», и она, прежняя его любовь, помогла ему теперь...

Но если в первом варианте поэмы у ее героя произошла всего лишь встреча с любимой женщиной, то в новой редакции перед ним встает не просто невеста и жена, а та Женщина с большой буквы, которая разделила с родной страной все ее тяготы, помогла ей в годину бедствий и вместе с ней закалила свое мужество.

Это чувство и продиктовало поэту в новом варианте поэмы такие перекликающиеся с некрасовскими емкие строки:

О женщины!
Русская слава
Под сердцем у вас зачалась.
Красавицы русских селений,
Из вас поклонюсь я любой
За то, что судьба поколений
Становится вашей судьбой.

В сознании поэта сельская девушка превращается в героиню. Женщина, ее роль, ее судьба в строительстве нового мира, неотступно волнует поэта, этот мотив становится одним из основных в

творчестве В. Федорова. На протяжении всех последующих лет он уже не оставит этой темы.

4

Но где же первоначальные истоки героических черт наших современников, что это за «золотая жила» заключена в русском характере и каковы те люди, которые еще в глубине времен отваживались на поиски счастливой доли?

Ответ на это дает поэма «Золотая жила». Поэт рассказывает историю трудной любви своего деда, деревенского кузнеца Харитона, и солдатки Глаши. Неторопливость повествования, сдержанность тона кажущиеся: о буре человеческих страстей поэт говорит голосом, как бы перехваченным от волнения. Мнимое спокойствие скрывает ту напряженность, которая рождается лишь в минуты величайшего душевного подъема.

Обстановка «медвежьего угла», затерянного в глубинах царской России, воссоздана на первых страницах поэмы. Это глушь. Темнота. Жестокость. И неистребимая, буйная душевная сила народа. Вот главный герой ее — кузнец Харитон, играя силой, идет по тайге, чтобы испытать новый топор. Для того, чтобы передать его душевное состояние, В. Федоров не говорит длинно и обстоятельно о красоте окружающей природы, о брызжущей через край радости рабочего человека, о предвкушении веселого труда. Он пишет только о том, что у Харитона

На лосконной праздничной рубаше
Вышитые пели петухи...

Чем защититься от этих ликующих строк даже холодному сердцу? И надо ли защищаться? Не лучше ли без сопротивления открыть его навстречу этим безошибочным словам!

Психологически верно, точно, зримо передает В. Федоров ошеломленность Харитона, когда тот, спася Глашу от медведицы, «смотрел на белую, тугую, ягодой обсыпанную грудь». Поднимая Глашу на руки, он еще не знал, что из первой беды вынесет любимую к новым, еще горшим бедам. Забыв обо всем на свете, он видел лишь, что «изо всех веселых ягодинок только две не падали в траву».

Трудно создать образ любви более лаконичный, зримый, чистый, одновремен-

но и такой язычески-прекрасный и целомудренный.

Во мраке нищеты, злобы, бесправия два сердца нашли друг друга, два чело- века припали к источнику неожиданно открывшейся радости, сразу же отрав- ленной тем, что она была украдена. Но в пламени, охватившем их, сгорели все запреты — и божеские и человеческие. Даже дегтем вымазанные ворота были им нипочем! Но вот пришло время воз- вратиться мужу Глаши — Игнату. В поэ- му входит третий — пришедший с гер- манской войны солдат, которому, как всем, ходившим на войну,

Царь одно из двух давал навечно:
Смерть на фронте,
А в тылу — жену.

Этот закон был нарушен изменой Гла- ши. В зловещей предгрозовой тишине на- зревает возмездие. Уже отшумело и краткое «пиршество солдата» в Глаши- ном доме, где теперь в одиночку борются каждый со своим горем солдатка и обо всем догадавшийся муж... Но нетерпели- вая любовь Харитона все же не могла не привести его под Глашины окна. Здесь, в тесноте бедняцкого двора, хотел было он задавить тяжелым сапогом хиленький росток, посаженный Игнатом, да не смог: уж очень трогательно-беспомощен был тополек. Да и что могло бы измениться, дай Харитон вырваться своему отчаянию, своему бессилию перед обстоятельством? Не пожалей он этот тополек, не про- яви доброты, чья крона шумела бы сей- час над любовью внука? Совсем иной любовью...

Но сколько бы ни длилась тишина пе- ред грозой, придет время ударить мол- нии, грянуть грому. Игнат дал выход своей обиде.

Десять лет ему, солдату, лгали,
Правду-матку пряча за мундир,
Десять лет солдатом помыкали.
Нынче сам он бог и командир!

Такой же бесправный и нищий раб, как Харитон и Глаша, он без шума творит над ними жестокий суд по единствен- ному, данному царем и богом праву — праву законного мужа.

Потрясающая по напряженности почти молчаливая встреча всех троих в доме Игната, внезапно возвратившегося из об- манной отлучки. Не слова, не оружие, даже не кулаки решали их судьбу: «пол-

ную бутылку казенной водки» поставила на стол неразрешимая беда, поставила как символ того самого бесправия, до дна выпитого дедами, тяжкое похмелье которого так нелегко сбрасывали с себя внуки. «Что же, как жену с тобою делим, так и водку поровну делить?» — только и спрашивает Игнат и на глазах немой от горя и ужаса Глаши подносит к губам соперника закуску на острие солдатского ножа.

Три судьбы, три характера скрещива- ются в молчаливом поединке. Дважды произносит Игнат простое, будничное слово «Закуси!», равное при этих обстоя- тельствах смертному приговору. Дважды берет Харитон губами угощение Игната, и дважды «в тайном гореванье» сдви- гаются гранями стаканы.

С третьим звоном,
С третьим подношением ножа,
Глаша на пол рухнула со стоном...

Харитон уходит из села. Не бежит тру- сливо от свалившегося на него горя, а ис- тово, с детьми на руках, прощается с од- носельчанами и подается на поиски прав- ды да еще извечной мечты бедняков — золотой жилы.

Но он так и не нашел ни справедливо- сти, ни золотых россыпей, как не нашла его самого Глаша, тоже вскоре покинув- шая село и нелюбимого мужа. «Золотая жила» бабьей доли так и не открылась ей: Глаша погибла в тайге. А Харитон? О нем узнаем мы, что через годы «где-то у Читы в павшем партизанском команди- ре признавали дедовы черты». Так раз- двинулись пределы поэмы. Харитон ли то был или другой бедняк, нашедший в себе силы поговорить с царем от имени народа? Но поэма, которая предстает вна- чале, как история несчастливой любви, перерастает в историю борьбы за «золо- тую жилу» народного счастья.

В характерах Глаши и Харитона, лю- дей, восставших против бесправия, зало- жены те черты, которые потом возник- нут, измененные и обогащенные, в харак- терах героев других поэм В. Федорова: и в старой ткачихе из поэмы «Ленинский подарок», и в Дусе Ковальчук, и в Ната- ше Грасовой из «Проданной Венеры».

5

В печати раздавались голоса о том, что «Ленинский подарок» не поэма, а всего лишь длинное стихотворение. Однако

жанр, мне кажется, должен определяться емкостью содержания, тем, вместились ли в написанное поэтом эпоха, как солнце в каплю росы.

В. Федоров взял маленький эпизод: солдатка-медсестра попросила у Ленина, приехавшего в госпиталь, «обувку» для остальных сестер-солдаток. Сам по себе незначительный, этот эпизод дал возможность поэту создать образ вождя, воспроизвести и стиль его государственного мышления и энергическую, острую манеру речи. Раненый солдат высказал сомнение по поводу того, «надо ль замориться с буржуазией мировой?».

Ильич молчал
И только взглядом
Спросил: и вывод, мол, каков?
«Вот старики твердят, что надо».
«Вот, вот...
И я — за стариков...
Когда за власть буржуи ссорятся,
Война народу не с руки...
Нет, нет! И пусть не хорохорятся
То-о-варищи меньшевики!
Мир, мир!
И только мир!» —
При этом
Он, вглядываясь в полутьму,
Все щурился, как бы от света,
Который виделся ему.

К Ленину — человеку и вождю — и обратилась юная тогда сестра Надя с самой насущной просьбой — об «обувке». И она и остальные солдатки верили в то, что Ленин все поймет... И он понял. И не только просьбу солдаток. Он понимал нечто гораздо большее, когда:

Глаза прищурились в заботе
При виде сбитых каблуков.—
Вы молодцы, вы доживете
До модных туфель и шелков...

Но до «модных туфель и шелков» было еще очень далеко. За это время у Нади погиб муж на войне. Это время было временем побед и испытаний. Страна потеряла Ленина... Уже ткачихой, в день прощания с вождем Надя обулась в подаренные когда-то им, сбереженные полусапожки и пошла на траурный митинг, чтобы рассказать народу о своей встрече с Лениным.

Вот и все внешнее содержание поэмы. Но оно вместило судьбу ткачихи, такую обычную в наше время судьбу женщи-

ны, которая «из тонюсеньких нитей Большую дорожку ткала». Не только полусапожки вручил ей как подарок Ленин, но и эту благородную судьбу. Полными глубокого значения предстают строки о том, как «в бесценный Ленинский подарок обулась Надя и пошла», пошла в жизнь, чтобы увидеть воочию, как

Все, все,
Что ее окружает,
Что радует сердце и глаз,
На сто голосов продолжает
Не конченный ею рассказ...

Нет, это не «длинное стихотворение». По широте и углубленности лирического мировосприятия — это поэма. Поэма о том, как сбылась пророческая фраза Ленина о мире, в который войдет ткачиха и в котором будет звучать и беззаботный смех юности и «заводов торжественный хор».

6

Героиня поэмы «Дуся Ковальчук» — женщина, активно борющаяся за счастье рождения нового мира.

Гражданская война. В Сибири Колчак, но Ленин верит, знает, что «Сибирь не будет русской Вандеей! В ней наш народ!» Этот народ борется за освобождение Сибири от колчаковщины, и дочь народа, Дуся Ковальчук в первых рядах борющихся.

Обращение к образу сибирской героини не случайно в творчестве В. Федорова, бывшего марьевского парня, сибиряка. Длительная внутренняя подготовка понадобилась поэту, чтобы почувствовать себя в силе взяться за эту тему. И ему удалось осуществить задуманное с тем мастерством, на которое оказался способным его уже вполне окрепший талант. В своей испытанной манере — короткими, но безошибочно точными штрихами — рисует поэт кабацкую гульбу белогвардейщины в далеком сибирском городке Новониколаевске. Но эта гульба, как пена на поверхности бурлящего котла жизни. А там, в глубине, действуют совсем другие силы: там сплачиваются бойцы революции, напряженно работает загнанная в подполье мысль, подготавливая взрыв освобождения.

Изворачиваясь, скрываясь, меняя одежду, обманывая, ускользая, ведет полную опасности жизнь подпольщицы Дуся Ковальчук. Для нее борьба не пре-

кращается даже внутри собственной семьи: молчаливо, но упорно она противостоит мужу, который «бережет кубышку для детей», — она же для них «добудет всю Россию». Окруженная все сжимающимся кольцом преследователей, Дуся Ковальчук попадает в тюрьму, где «поручик с плотоядным ртом» готовится начать дознание. Сначала задабривание, потом запугивание, потом издевательство и пытка... Выразительны сжатые до предела строки, передающие все оттенки допроса и все переходы настроения поручика, решившего вначале обмануть доверие Дуси кажущейся мягкостью и постепенно теряющего от ярости человеческий облик:

Бывал он страшен, если под ремнем,
Под шомполами, отвергая милость,
Не признавая человека в нем,
Не проявлялась женская

стыдливость.

Над Дусею был злее взлет хлыста,
Под потолком
Ходившего кругами.
В ней даже ум ее и красота
Ему казались личными врагами.

Лишь говоря о муках, переносимых Дусей Ковальчук, В. Федоров позволяет себе отказаться от неумолимой сдержанности:

Не лебеди,
Но час и два подряд
На белых крыльях
Из глубин бездонных
Приподнялись над миром
И летят
Ее нечеловеческие стоны...

Но это лишь однажды. Чтобы передать состояние человека, уже перенесенного муками за грань реального. Чтобы положить эти строки, как венок у подножия памятника человеческому мужеству. Чтобы сам подвиг поднять над миром на крыльях песни.

Дуся Ковальчук погибает в тюрьме, но поэт не пишет о ее конце, потому что у таких, как она, «есть... святое свойство молодой души: иди на смерть, не верить в силу смерти».

Удел таких, как она, — бессмертие.

Но, рисуя романтически приподнятый образ героини, поэт наделяет ее всеми чертами, свойственными обычному чело-

веку, не боясь показать Дусю даже в минуту слабости, когда она черпает душевную силу лишь в том, что «живет в душе, теплеет на губах под пытками несказанное имя», имя ее любимого, имя революционного борца, которое и хотели узнать палачи. Правдиво и неотразимо женственно беззвучное обращение Дуси: «Любимый, ты борьбе меня учил... Изнемогаю... Научи быть сильной!..»

И Дуся остается сильной, несмотря на мгновенную слабость, и читатель верит в эту силу, потому что образ героини создан рукой настоящего художника.

7

Совсем иное содержание жизни у Наташи Граевой из поэмы «Проданная Венера». Совсем не похож на Дусин ее жизненный подвиг, но это тоже подвиг.

Тема служения Родине, судьба женщины, борющейся за общее счастье, и, наконец, тема красоты, добываемой дорогой ценой, не просто красоты внешней, а красоты человеческого духа и человеческих дел — вот пафос этого произведения. Все родники, питающие поэзию В. Федорова, как бы слились воедино в этой поэме.

Она начинается, как почти всегда у него, с очень конкретных воспоминаний: лирическому герою, комсомольцу, поручили сделать доклад о красоте.

Очень доверительно, с каким-то подкупающим простодушием он рассказывает читателю:

Мой вкус был самый деревенский,
А други просят:
— Не забудь
О красоте, ну, знаешь, женской
В своем докладе помянуть.
А что я знал?..

Невозможно не посочувствовать пареньку, который «задумал... в своем докладе раскрыть все виды красоты», но которому «все темы прочие давались, а тема женская никак!».

Не потому ли, что опыт его сердца еще очень мал и весь исчерпывается встречей в детстве со сверстницей, которая в те дни «такой была, что ничего природа... прекраснее не создала». Герой, думая о ней, вспоминает:

Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мой уста

Еще не троганное мною
Большое слово:
Красота.

Пока еще это мальчишеский восторг перед совершенством внешней красоты, которой деревенские острословы отдавали своеобразную дань, говоря какой-нибудь из сельских красавиц:

— Ты что-то, девка, загордилась —
Как Ната Граева идешь!

Но шло время, вырослел и мужал герой поэмы. Оттремели годы войны, и, вернувшись, он увидел свою сверстницу,

Увидел с темными горшками,
Перекаленными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.

Не в этом ли месте поэмы, как это нередко случается у В. Федорова, лирического героя как-то неприметно подменяет сам автор? И не его ли писательская зоркость помогает нам заметить многое, что могло бы без этого умного вмешательства ускользнуть от глаз лирического героя, пусть даже и «повидавших немало»?

И он слышит, как односельчане говорят теперь:

— Ты что-то, девка, приуныла —
Как Натка Граева идешь!..

Лишь коротенькая реплика деревенских жителей рассказывает о ее жизни. Одна только буква врезалась в имя героини и, как мечом, отрубила ее прежнюю жизнь от той, которая теперь была за ее плечами. Эту букву уже не стереть ничем: она как «честный шрам фронтовика», как горькая мета того, «чем не стала юность и чем она могла бы стать!»

Всем сердцем стремится герой поэмы найти Наташу Граеву «в каком-то облике бессмертном», восстановить перед своим внутренним зрением ее первоначальную красоту.

И вот со старой репродукции глазами титиановской Венеры на него взглянула та, «кем милая не стала и кем она могла бы стать». Но... «это был всего лишь снимок, а где же сам оригинал?» В неистребимой жажде красоты он принимает решение: «Прекрасно! Я ее найду!»

В «Проданной Венере» так же, как и в «Далекой», тесно сплетаются темы любви и поиска красоты. Но если в «Дале-

кой» герой искал любимую по музыкальной мелодии, то в «Проданной Венере» его уводит в путь зрительный образ, запечатленный на холсте кистью великого художника, — черты бессмертной Красоты, напоминающие исчезнувшую красоту смертной женщины.

И вот «через минувшие века, через сокровища народов», сквозь насмешки тех, для кого Красота необязательна («Избаловали!.. Комсомолец, а тож — Венеру захотел!»), через толпу экскурсоводов и тех, которые пришли в музеи, «как в Мекку, на поклоненье красоте», герой поэмы идет на ее поиски. Он тянется к ней, «как голодный за хлебным тянется пайком», как тянулся к ней всю жизнь и сам автор еще с тех дней, когда познавал высокую цену скудного хлебно пайка... И наконец старый искусствовед рассказывает ему, что «Венера» Тициана была отправлена за океан в обмен на необходимые молодой республике машины... Впервые звучат в поэме и в душе лирического героя уже давно выношенные автором слова о том, что «за красоту времен грядущих мы заплатили красотой».

Но сквозь черты прекрасной женщины, послужившей своей красотой делу нашего народа, вдрут для героя поэмы начинают все явственнее проступать черты Наташи Граевой, той, которая отдала за счастье грядущего и свою красоту. В ее глазах, обращенных на людей, стоящих вокруг, «надежда на большое счастье все ходит рыбка золотой», и с укором она говорит:

— Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

Да, это оправдание найти нелегко, и поэт отдает себе в этом полный отчет.

Но «история от первых дней ни перед кем не виновата, виновны только перед ней». Может быть, утрата хрупкой красоты земной чем-то возместилась? Может быть, красота не исчезает, а лишь принимает иной облик, который нужно уметь увидеть?..

В. Федоров дает на это утвердительный ответ:

На все
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.
Судьба Наташи — это подвиг,
А подвиг стоит красоты.

Пусть той Наташи мы не встретим,
Но людям жить и быть красе.

Когда-то поэт, обращаясь к своей первой любви, просил ее стать поводом «своей поэзии незрячей»...

Теперь его поэзия стала зрячей. И по праву этого нового прозрения он сам, протягивая, как поводья, руку своей новой любви — Наташе Граевой, отдает ей все свое восхищение, делает ее обычной, вроде бы незаметную судьбу высокой, значительной, равной подвигу. Он причисляет ее к тем безвестным героям, дела которых входят в биографию Родины.

8

В один ряд с этими женскими образами встает у В. Федорова образ матери.

В поэме «Белая роща» этот образ, как всегда очень конкретный вначале, поднимается до большого художественного, почти символического обобщения.

Марьевские звезды сверкают в этой поэме над палаткой новоселов, осваивающих целину.

Но герой поэмы Егор, выйдя в степь «под свою звезду», еще не чувствует родной эту необжитую землю. Он даже любовь не приближает к себе, чтобы не закрепляться на этом неустроенном клочке земли, где «береза встала на пути, прижав зелеными ветвями почтовый ящик на груди».

Но отвернувшись от «беспокойной красоты» Аннушки, Егор не обретает душевного равновесия и, томимый одиночеством и тоской, пишет письмо матери, в котором «дает понять ей между строчек: «мне трудно — мама, выручай!»

Какая мать не услышит такого призыва, не откликнется на него? И вот она подъезжает на совхозном «газике» к домикам, лишь недавно заменившим палатки в степи.

Обнимает сыночка странница,
А друзья его, как в строю,
И у каждого взгляд туманится.
Каждый видит в ней мать свою.
Каждый тянется к ней в смущении...
И она целует парней
Так, как будто по поручению
Неприехавших матерей.

Старая мать Егора уже в этих строчках становится общей матерью, как бы уполномоченной всеми матерями областить

уехавших сыновей. А она уже ходит по еще мало обжитой земле и по-хозяйски замечает, что нет здесь «ни детей, меж собою играющих, ни спящих в траве цыплят». И мать «от родственных мест вдали верной дружбою заручается незнакомой еще земли». Все увидено материнскими глазами, все услышано материнским сердцем: и любовь Аннушки к Егору, и подсознательная тяга молодых парней к домашнему теплу, и негустая белая рощица, «одинокая на сто верст».

Мать — всегда защитница жизни. Разве может она допустить, чтобы белая эта роща была раскорчевана? Ведь она уже заручилась дружбою этой земли и скоро сольется с ней еще крепче. И по тихому слову матери роща остается шуметь зеленой листвою...

Ходит старенькая березником,
В тень присядет она с иглою,
Вышивает узоры крестиком,
Разговаривает с землей...

сама, как земля, щедрая и ласковая,
«многодетная, многодомная»...

Мать умирает, не выпустив из рук иглы, вышивая узор «на самой белой из рубах» — рубахе сына. И остальные, пусть не ее, сыновья

Мать,
Не в радостях поседелую,
Все высокие — ростом в рост,
Понесли они в рощу Белую,
Одинокую на сто верст...

«Слушай, степь!»

Травы шепчут:

«Слу-у-шаю...»

Мы не гости в краю твоём,
Отдаем тебе нашу лучшую,
Мать товарища отдаем...»

Но, оплавав смерть матери на этой чужой ему до того земле,

Егор вдруг увидел большое,
Чего никогда не забыть...
Могила...
Простой бугорок...
В нем отчего края начало,
В нем будущей жизни залог.
В соседстве береза кривая
Листву всполошила свою:
Стремился ты к отчему краю,
Будь счастлив — ты в отчем краю!

Могила матери сделала землю «отчим краем», образ матери слился с образом Родины, сама смерть матери стала началом новой жизни, дала как бы материнское благословение на продолжение ее. Недаром именно здесь, у материнской могилы, та любовь, которой так долго сопротивлялся Егор, «руки свои колдовские навстречу ему понесла».

Жизнь продолжается, людей соединяет любовь, и звезда зажигается над их головою — «большая — одна на двоих!»

Под этой звездой живут и творят жизнь герои Василия Федорова — люди с крепкими корнями, ясным взглядом на мир и благородными целями. Люди, которые сильнее любого горя, люди, способные на добро и ненависть, на поиски и созидание Прекрасного.

9

Вот и прочитано девять поэм, словно девять самоцветных непохожих камней перебрано в ожерелье. Что же он за поэт — тот, кто создал эту книгу песен? В чем главная сила его и где его место в нашей сегодняшней поэзии?

Я говорила о трех темах, проходящих через все творчество В. Федорова: о теме Родины, о теме Прекрасного и о теме Любви. Надо сказать и о том общем, что составляет из трех этих потоков. Своеобразие и сила В. Федорова в слиянии, в неповторимом синтезе того из сибирской земли быющего марьевского родника, с которым связано начало поэзии В. Федорова, и той философской стихии, которая пришла к зрелому В. Федорову с его раздумьями о красоте и добре, о жизни и о ценности человека на земле, о счастье и любви, о ходе истории и судь-

бе личности. Можно сказать, что у сегодняшнего В. Федорова нет (или почти нет) стихов, написанных просто по настроению — хотя настроение есть всегда, — просто потому, что красиво «выпелось» — хотя это почти всегда красиво спето, — у Федорова везде есть большая, общая философская мысль, никогда вместе с тем не отрывающаяся от земли, не уходящая в выси отвлечений. Поэт хорошо помнит юность свою «бесхлебную — с лебедою, с трухою всякою», когда «если встречалаеь булочка мягкая, то она уже называлась французской», но созданный сибиряками румяный, яркий, круглый хлеб для поэта не просто свидетельство очередной трудовой победы и даже не просто символ эпохи (хлеб — «спутник!»), а еще и решение «извечной темы», вбирающей в себя труд, красоту и любовь целого поколения. Вот характерное для теперешнего В. Федорова стихотворение «Другу»:

Все чудо:
Солнце, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес.
Все чудо!
И глаза любимой —
Две тайны
Двух земных чудес..
Не удивляйся,
Что умрешь,
Дивись тому,
Что ты живешь...

Трава и лес, сибирские зимы и марьевские звезды, спокойное раздумье и внутреннее напряжение мысли — таков сегодняшний Василий Федоров, поэт оптимистической философии и светлой, рожденной в муках жизни.